

Ах, милая московская старина, куда ты так стремительно убегаешь?

Ты несешься со скоростью света, и тебя не удержать, а удержать так хочется. И хочется верить, что старая Москва еще жива не только в воспоминаниях...

«Но между тем бежит, бежит невозвратное время, пока мы, плененные любовью к предмету, задерживаемся на всех подробностях», — говорил Вергилий. Живи римлянин в Москве, его путешествие из настоящего в прошлого получилось бы не менее увлекательным, чем в «Божественной комедии» Данте. Весьма возможно, что, взглянув на старую фотографию Москвы рубежа веков, он бы не узнал Третьего Рима.

Во всяком случае, памятника Юрию Долгорукому, который сейчас почитается чуть ли не каноническим, тогда не было.

Юрий Долгорукий появился рядом тогда на улице Советской в 1954 году!

Зато в резиденции градоначальника он наверняка застал бы пожарную каланчу. Мало того, все виды Тверской того времени венчает, словно Эйфелева башня, каланча. Ее воздвиг еще сам генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков.

Дежурному на каланче приносили обед, а пожарному (коих называли тогда топорниками) платили аж целых 25 рублей!

Каланча пережила своего вдохновителя надолго, ее разобрали перед началом Первой мировой войны.

Не узнал бы Вергилий, а вместе с ним и мы угол Моховой и Тверской, где бывший доходный дом Бенуа заменил шедевр петербургского архитектора Александра Васильевича Иванова. Московские купцы (Варваринское акционерное

общество домовладельцев), заказавшие проект здания, хотели, чтобы было не хуже, чем в столице. «Порфироносная вдова» словно готовилась к тому, что в будущем сюда, именно в этот дом переедет новое правительство во главе с Лениным.

Говорят, в «Национале» была парикмахерская, где стригся Ильич. Правда, непонятно, что ему было стричь. Но если кто еще помнит, в парикмахерскую раньше ходили не только для того, чтобы «подровнять височки», но и чтобы побриться, обменяться последними новостями и провести досуг.

Московский дворик медленно и неуклонно уходил в прошлое, занимая свое законное место в отстроенной совсем недавно Третьяковской галерее. Но его гостеприимство, собранность и добросердечие русской жизни не собирались сдаваться на милость безжалостному Хроносу.

К слову сказать, ни Поленов, ни Цветаев, который откроет в здании на Волхонке знаменитый музей, не были москвичами. Не были и большинство писателей, которые позже напишут московский текст русской литературы.

Кстати, заслуженный профессор Московского университета, а также доктор римской словесности и историк искусства Иван Владимирович Цветаев выступил в качестве инициатора создания будущего музея в 1893 году.

А вот Афанасий Фет, проезжая по Моховой, устраивал целый не совсем понятный и приличный для неблагодарных потомков ритуал. Зная об этом, кучер Фета специально притормаживал на Моховой. Фет высовывался из коляски и плевал в сторону Московского университета.

Почему?

Об этом отдельный, не быстрый разговор.

К слову сказать, и гениальный лирик не был москвичом. Он родился в селе Новоселки Мценского уезда.

Да что там Моховая и Тверская. Кузьминки были всего лишь пригородом с дачами и знаменитым прудом, который дожил до наших дней. На противоположной стороне пруда находилось большое каменное здание Скотного двора, в котором с 1889 года размещалась земская больница. Аккурат за ней — уютная будочка с флагом, где располагался буфет. Сев за столик в буфете и глядя на пруд, можно было попить чаю и помечтать о том времени, когда Кузьминки станут чуть ли не центром Москвы, а номера в гостини-

це «Националь» — одними из самых дорогих на свете.

И все потому, что Москва — это пуп земли. Центр вселенной. Имя которому русский космос, собранность, вбирающая в себя тринадцать языков и племен.

Сын моей знакомой недавно задался вопросом: какой он национальности, когда мама еврейка, а папа чеченец?

Ответ удовлетворил всех, и в первую очередь его самого: москвич!

Москва, как много в этом слове...

А какими бы глазами посмотрел Вергилий на литературу? На литературу Третьего Рима? Иными словами, как именно московский текст нынче продолжается?

Москва (или в Москве) каждый год номинирует писателей на всевозможные премии. Вот краткий рекомендуемый список лауреатов: Дмитрий Быков, Людмила Улицкая, Роман Сенчин, Борис Акунин, Захар Прилепин, Ольга Славникова, Татьяна Толстая, Александр Кабаков, Владимир Сорокин, Виктор Ерофеев, Виктор Пелевин, Тихон Шевкунов и многие другие.

И что же в этих текстах интересного о Москве?

Вот отрывок из киносценария Сорокина «Москва».

Г о л о с М а ш и. Значит, наша норка слабее американской?

Г о л о с М а р к а. Слабее. Но самое замечательное: когда американская норка пытается спариваться с нашей, это кончается трагически.

Г о л о с И р ы. Это как?

Г о л о с М а р к а. Наша норка гибнет после полового акта.

Г о л о с И р ы. То есть американская норка затравливает нашу до смерти?

Г о л о с М а р к а. Совершенно верно, Ирочка.

Г о л о с И р ы. Ни фига себе!

Ни фига себе? Ни фига! Но мне кажется, что от таких текстов не только городу в целом, но и здоровому человеку плохо станет. Самое лучшее, что можно сказать по поводу сорокинских текстов, — дохлятина, мерзость, употреблять это ни в коем случае не рекомендуется в любом возрасте.

А вот это отрывочек из книги Романа Сенчина «Московские тени».

Да, попался сценарист, по крайней мере он так представился. Седоватый, с окладистой и тоже почти седой бородой, полногато-отечный, хорошо при-

одетый мужчина. Он называл мне какие-то фильмы, снятые по его сценариям, но я таких, кажется, не видел или не помню.

— С одной стороны одно, а с другой... Нет, пожа-луйста, без ли-це-ме-рия! Лучше сразу тогда: все, что мешает вам жрать, все под бульдозер, в печь, на переплавку. Чтoб в зубах не застревало... И все, са-мое страшное, пойдут с радостью перерождаться, все же мы проданы, мы хотим быть как они. Йогур-том нас купили!.. Не-ет, господа, не перерождаться ведут вас, а — в дерьмо, в дерьмо окончательно!..

И тут — сортир. Едем дальше.
Дмитрий Быков.

В Москве взрывают наземный транспорт — так-си, троллейбусы, все подряд.

В метро ОМОН проверяет паспорт у всех, кто черен и бородат.

И это длится седьмые сутки. В глазах у мэра сто-ит тоска.

При виде каждой забытой сумки водитель требу-ет взрывника.

О том, кто принял вину за взрывы, не знают точ-но, но много врут.

Непостижимы его мотивы, непредсказуем его маршрут,

Как гнев Господень. И потому-то Москву коло-тит такая дрожь.

Уже давно бы разыграла смута, но против промы-сла не попрешь...

Я не говорю о том, что вирши — сомнитель-ные, на вкус и цвет, как говорится, товарищей нет, но автор как будто бы не только другого не видит, но и не может по-другому. И как-то ра-достно-то ему от того, что промысел его ремес-ленный, шилом сапоги тачать!

А сейчас передохнем немножечко. А я за-гляну в популярный книжный «Москва». Пожа-луйста: «Московские тени» — 139 рублей. Со-рокин — на любой вкус и цвет. Киносценарий «Москва» в одном из многочисленных сборников.

Роман Сенчин, Дмитрий Быков...

И вот я спрашиваю, спрашиваю, наверное, самого себя: чем продолжается «московский текст» русской литературы?

*Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,*

*Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.*

Все мерзостно, что вижу я вокруг...

Да, Вельям, понимаешь, Батькович. А ведь Дмитрий Львович тоже не только проживает в магазине «Москва», но и родился здесь. И про-чая братия живет в Первопрестольной.

Я, наверное, никудашный критик, еще боль-ше москвич, даром что родился в Питере. Но уверяю вас, что в Питере нет такого уничтожения и уничтожения собственного города в текстах пи-терских прозаиков и поэтов.

И поэтому кто еще за первую столицу засту-пится, как не питерские?

Москва — какая бы она ни была, но такого презрения и позора за все 1000-летия своего су-ществования явно не заслужила.

Для писателя Виктора Ерофеева его родная Мо-сква становится столицей грехов. Как эта метро-полия стала такой, как сейчас, и почему на самом деле ее не существует, автор «Русской красавицы» объяснил одному из иностранных журналов, пишет Newsru.

По мнению писателя, российской столицы во-все не существует. «Существуют Париж, Лондон. Неважно, приехали ли вы в эти города как студент или состоятельный турист — после своего возвра-щения вы будете делиться одинаковыми впечатле-ниями.

Писатель считает Москву «самым субъектив-ным в мире городом», представляя ее в своем эссе как «вавилонскую блудницу». «Амстердам и Нью-Йорк по сравнению с ней — детские площадки. Такая Мо-сква для меня — дьявольский свет, такое название будет носить и моя следующая книга», — делится своими планами Ерофеев.

Книги Виктора Ерофеев тоже есть в «Москве» и не только.

Немало книг выпущено о Риме, Венеции, Лон-доне, Париже естественно, о Питере, где с не-малой долей иронии, юмора и даже сарказма рассказывается о настоящем времени, о жизни современного города и людях, его населяющих,

но никогда и нигде, за исключением Москвы, нет глумления над своим!

А потому ежели: *ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих!*

Есть такая славная традиция в Италии — выбрасывать из окон в новогоднюю ночь все ненужное, хлам, мусор.

И я вот думаю, что надо бы эту славную традицию укоренить и у нас. А начать можно с книг

Дмитрия Быкова, Виктора Ерофеева, Романа Сенчина и этой титьки тараканьей — Владимира Сорокина.

Иначе старая добрая Божедомка, Мещанские, Труба, Самотека и Аэропорт с Замоскворечьем задохнутся от смрада. Да даже еще хуже того, перестанут быть Москвой!

Извергни, Москва, эту мерзость из чрева своего!

А книги хорошие были, есть и будут!

